

Библиографические замечания о летописи Велико-устюжской.

Город Великий Устюг принадлежит к числу древнейших городов России. Первые летописные известия о нем идут от начала тринадцатого века, доисторический период существования этого города заходит в глубь более ранних веков.

Основным источником сведений по истории города, в настоящее время, является так называемый „Летописец о граде Великом Устюге, собранный и написанный в вечное воспоминание впредь будущим родам, из разных рукописных

характерных книг и достоверных повествователей, в те лета и времена живших, и от преемников их, после их бывших, и настоящих самовидцев". Сочинен этот летописец в 1765 году священником Устюжского Успенского собора Львом Вологдиным. В предисловии к летописцу Вологдин так объясняет причину, по которой он решился приступить к составлению своего летописания. В древние времена, говорит Вологдин, люди все случавшееся в мире твёрдо в памяти своей содержали и передавая друг другу повествуемое так же ясно пред глазами имели, как мы ныне имеем написанное.

С течением времени память и разум у людей стали оскудевать, почему и явилась нужда в записывании прошедшего, чтобы мы, читая записанное о прошедшем, видели его как бы ныне совершающимся и от того поучались. Кроме того, самый труд по составлению летописца, а равно и по прочтению его является добрым делом, это новое побуждение для написания летописца. о Павлаторской скромности, Лев Вологдин обращается к читателям и просит их, сочиненный им летописец исправлять, недополненное дополнять и недоконченное докончить, в возможных же погрешностях удостоить автора прощения. Эта просьба Вологодина принята, можно сказать, к неуклонному исполнению многочисленными переписчиками его летописи. До настоящего времени летописец Велико-Устюжский сохранился в немалом числе рукописных экземпляров и все они между собою более или менее разнятся, дополняя один другого, так что не приходится говорить о летописце Вологодина, как одной определенной редакции, а о летописце по тому или иному его списку А. А. Титов, в издании А. К. Трапезникова, сделанном в Москве в 1889 году, напечатал летопись Великоустюжскую по списку от 1780 года, дополнив ее вставками из других списков, почему в этом издании летопись Устюжская и является более полною, сравнительно с другими ее списками. В дальнейшем, говоря о летописи Великоустюжской, мы и будем иметь в виду указанное сейчас Титовское издание ее 1889 года, как самое полное пока издание летописи Вологодина.

Прежде чем приступить к изложению

событий в летописном их порядке, Вологдин предписывает своей летописи две небольшие главы: предисловие, которое является, по словам Вологодина, "вместо введения" и затем главу под заглавием "Показание Великоустюжской древности с примечанием лет и времен в которое что чинилось". В этих двух главах Лев Вологдин, по мере своего умения, разрешает вопросы, ответов на которые, как он сам говорит, "в древних летописцах российских не обретаются", именно о самом первоначальном основании города, когда и для чего был создан город Великий Устюг.

В древнейшие времена, говорит Вологдин, в виду "всегдашних несогласий и великих междоусобий" города в России устроились на высоких и безопасных местах, отсюда бы удобно было видеть нашествия врагов и от них обороняться. Так и Устюг первоначально был основан на высокой горе, которая и до ныне называется Гледен, почему и город от этой горы назывался Гledenом же: а гора Гледен оттого носила такое название, "что с поверхности ее на все окрестные страны смотреть удобно". "В последующие лета", с горы Гледена жители переселились на место, занимаемое нынешним городом Устюгом, которое прежде называлось Черный Прилук. А в которые лета совершилось переселение устюжан с Гледена на местоположение нынешнего города Устюга "о том подлинного известия в летописцах не обретаются". И о причине переселения "подлинного летописания не обретаются", однако же из последующей истории города доказывается, "что они переселились по причине частых неприятельских нападений, а при этом и того ради, что оную город Гледен рекою Югом от года в год весма начало подрывать".

Вот какое представление составил себе Лев Вологдин о первоначальном моменте основания города Устюга. Чтобы правильно оценить его, нужно прежде всего установить верный взгляд на то: при первоначальном возникновении поселения на месте Гледена было ли это поселение древнейших обитателей края, финнов по происхождению или же новых поселенцев—словян (новгородцев, или ростовцев, безразлично). Кто первый поселился в данной местности, тот конечно дал и наименование поселению. Если это

были славяне, то конечно, они могли дать название поселению и от славянского слова глэдень, если же поселение явилось ранее момента прибытия сюда славян, если, следовательно, основано оно людьми финского происхождения, то и для определения значения данного названия, его так сказать смысла, нужно основания искать не в русском языке, а в финском наречии.

В стародавние времена весь наш север был заселен людьми финского происхождения.

В XIV столетии зырянские поселения начинались от нынешнего Котласа, а за два века до того времени, конечно, весь этот край заселен был жителями финского корня.

Возникновение же Гледена могло произойти и еще в более стародавние времена чем за указанные автором столетия до XIV века.

Исно, что о выходах славянах, в это определенное время, не могло быть и речи. Если же это так, то и для определения значения для слова глэдень нужно обращаться к финскому, в частности к зырянскому языку, так как в этой местности жили именно зыряне.

При этом необходимо принять во внимание и помнить, что финское, как и зырянское слово, в русском произношении, является далеко не так, какое оно есть на родном наречии, что в русском произношении оно в той или иной мере является искаженным.

Так что название Гледена первоначально могло быть совсем не Гледен, а как и бо иначе, напр. Гледин, Гыздин, или как либо по другому, при чем слово могло распадаться на две части: первая неизвестно как точно произносившаяся и вторая „дин“. Слово „дин“ собственно значит толстый конец, у дерева это будет его комель, у реки—устье ее, т. е. широкое ее место, в противоположность началу, верховью реки. В зырянских краях очень часто встречаются названия поселков с окончанием „дин“, так напр., Кос дин, устье реки Кос, так называется деревня в Удоре, Яренского уезда, Венъ дин-га, село в Удоре, значит устье по речке Венъ. Сыты-дин—устье Сысолы—Усть-сысольск,—так называют зыряне город этот по своему, по-зырянски. Помоз-дин, село в Усть-сысольском уезде; Мыел-дин—в том же уезде село на правом бе-

регу Вычегды, в 8 верстах от впадения в Вычегду Южной Мылвы; Мыл-дин, иначе Троицко - Печерское село, при устье Северной Мылвы впадающей в Печору; далее, Пыел-дин, Неб дин и т. д. Отсюда Гледин будет обозначать местность, лежащую при устье реки, при каком устье оно на самом деле и было расположено, только как называлась в те времена эта река для нас неясно, вследствие достаточного искажения в произношении первой половины слова. Вот на наш взгляд более или менее вероятное производство слова гледин от зырянского корня.

С другой стороны слово „дин“ означает еще—около. вблизи, напр., керка-дин значит, около дома. Первая половина слова глед могла произойти как „гызд“, „гызод“, что значит сыпучий, приваливающийся.

Отсюда гызод-дин будет обозначать пункт, находящийся около проваливающегося, сыпучего места, около ползуна, оползня, обрыва, провала. Быть может в стародавние времена Гледенская гора, на которой и около которой расположено было поселение, частью своею и представлялась оползем, провалом. Это будет второе возможное объяснение значения слова гледин, не настаивая на том или ином из указанных нами словопроизводств, мы все-таки утверждаем, что от слишком примитивного филологического объяснения предложенного Вол-диным слова гледен давно пора отказаться. Достаточно наивным представляется нам и производство Л. По огненным названиям Северной Двины от слова сдвинуться: „потому наречеся, что сдвинулись две (реки) и произвели из себя третью“, или наименования Гледенского монастыря Троицким от слияния в данном месте трех рек Юга, Сухоны и Двины: „и тако по причине оных трех рек наречена святая обитель Живоначальных Троицы“.

Если бы по принятому о Вологдиным принципу решился он объяснить откуда произошло наименование Троицким монастырем Сергиевской лавры, то конечно оказался бы в большом затруднении, так как там нет ни одной реки.

И против выдвинутой Вологдиным причины переселения устюжан с Гледена на нынешнее место города Устюга можно указать серьезные возражения.

Во-первых, по самой же летописи Вологодина, до 1438 года, т. е. два столетия слишком, после переселения, Гледен и Устюг существовали одновременно друг с другом. Следовательно, в начале XIII в. не было в собственном смысле слова переселения города с одного места на другое, а могло быть только выселение части жителей и образование ими на новом месте нового поселения.

Во-вторых, на новом месте устюжане несколько не лучше защищены были от врагов, чем на старом Гледена, так что напр., по свидетельству же летописи, в 1398 г. беспокойные новгородцы, „в судах свих Сухоною приплыв к Устюгу, население в Черном Прилуке, стоящее под Сокольєю горою, сожгли волости и посады опустошили и разграбили; под Гледеном же стояли три недели, но без успеха“. Или, в 1436 году Василий Косой пришел под град Гледен, на вдекий день приступал ко граду, но града взять

не мог. Значит и в этом году Гледен был для врагов неприступною крепостью. Следовательно оставлять ее как крепость и переселяться на другое место в целях приискания более защищенного от врагов положения не было смысла и основания. И со стороны реки положение Устюга на новом месте несколько не лучше оказывается положения Гледена на старом, так как река Сухона не хуже р. Юга вьет свои берега.

Полагаем, из сказанного ясно, что без критического отношения нельзя с полною доверчивостью принимать высказанные Вологодцами предположения и догадки. Точно также необходимо с известной долей критики приступать и ко всему историческому материалу, составляющему из себя содержание летописи. Необходимость такого критического отношения стараемся иллюстрировать несколькими примерами.

В. Шляпни.

(Продолжение следует)

Обзор погоды зимы 1921-22 года.

Имея под руками наблюдения Дымковской метеорологической станции и дождемерные данные из некоторых мест губернии, мы помещаем здесь характеристику минувшей зимы как за отдельные месяцы (декабрь — февраль) так и в целом. При этом будем делать параллельные сопоставления с прошлогодней зимой, выделяющейся своей сравнительно высокой температурой и малоснежием. В начале разберем погоду за каждый месяц отдельно, затем за всю зиму и сделаем некоторые выводы.

Первый зимний месяц, декабрь, отличается частым выпадением осадков; они отмечены за 27 дней, хотя и не в больших количествах. В связи с этим число пасмурных дней велико, ясных мало, а давление не высоко. Но температура все таки не оказалась аномально высокой: не было сильных и продолжительных морозов — только 8—11 числа средняя суточная оказалась ниже —20°, но не было и ни одного дня с оттепелью, даже среднюю суточную выше —5° имел только один день. Температура и давление (последнее за исключением самого конца месяца) от дня ко дню изменялись без резких скачков, иначе говоря средняя суточная изменчивость была не велика. За месяц отмечено 4 небольших метели, 3 дня с туманом, а 14-го числа ледяной дождь после него гололедица. Осадков выпало нормаль-

ное количество, температура оказалась неинной ниже нормы, давление воздуха тоже. Сравнение разбираемого месяца с декабрем 1920 г. показывает следующее: последний был теплее на 4—5 градусов, осадков выпало немного меньше, снеговой покров был тоньше сантиметров на 10.

Следующий месяц, январь, характеризуется высоким давлением во вторую и половину третьей декады и глубоким минимумом (циклон) в первую; последний начался еще в конце декабря. Циклон сопровождается аномально высокой температурой и частыми осадками: 6 и 7 числа суточная температура оказалась выше 0°, снег таял, с крыш капало, иногда пролетал дождь; 9 дней первой декады было со снегом; выпало целых 18 мм. осадков т. е. почти месячная норма; ветер имел южную составляющую. С 13-го числа погода резко меняется, наступают морозы, которые с двухдневным ослаблением продолжают в течении 9 дней; температура наиболее холодных 7 дней в среднем оказывается равной —26°; давление стоит высокое, погода ясная, тихая или с слабым северным ветром; осадков выпадает лишь 1.4 мм. С 23 января наступает перемена: подул ветер с западной стороны, давление упало, температура повысилась и за последние 5—6 дней месяца ежедневно падал снег. Как давление так и температура в течение месяца испытывали большие

Библиографические замечания о летописи Великоустюжской. (Продолжение).

Повествование Устюжской летописи начинается сообщением о нападении в 1192 году на город Устюг казанских татар, которые „град лестию взяли и раззорили. Услышав о сем, великий князь Георгий (т. е. Юрий Всеволодович) послал брата своего Святослава с воинством, который, достигши, победил их, грады их раззорил, и многое множество народа в плен взял“. Такое же событие помещено Титовым из Суворовского летописца под 1218 годом, при чем вместо казанских татар здесь действуют камские болгары, которые также учинили нападение на Устюг и обольстя граждан обещаниями, взяли оный и раззорили, что самое сведая, великий князь Юрий Всеволодович послал с войском брата своего Святослава, который, преследуя болгар, разбил, несколько городов их опустошил, а при том немалое количество людей в плен взял“. Как видим, события хотя и отмечены двумя разными годами, но даже в литературном отношении описаны почти одними и теми же словами.

И на самом деле это были не два разных события, а одно и то же, случившееся не в 1192 году, а в 1219—20 годах. К 1192 году событие это ни в каком случае не может быть относимо. Летопись говорит, что нападение на Устюг произошло во дни княжения в России Георгия Всеволодовича, иже и Юрий именовался, и что ему град Устюг в уделение от брата его Константина Всеволодовича достался. Известно, что в то время Устюг принадлежал к области Ростовской, а Ростов начал иметь своих собственных князей удельных не ранее, как с 1207 г. „ряд постоянных князей Ростовских начинается именно с 1207 г. с Константина Всеволодовича“ (Голубинский Ист. Русск. церкви, т. I, полов. I, стр. 177). Ясное дело, что Константин Всеволодович мог передать город Устюг во владение Георгию Всеволодовичу только в первой четверти XIII ст., но не в конце XII в., следовательно и мстить за разорение Устюга Юрий Всеволодович мог только в XIII в., а никак не в 1192 году, и под этим годом событие оказывается помещенным только по недоразумению.

Воскресенская летопись о данном событии также повествует и следующее. „В лето 6727 (т. е. 1219 г.) Придоша Волгаре, на Устюг и взяша и (его) лестию“. Далее, под 6728 (т. е. 1220) годом говорится: „Князь великий Юрий Всеволодович посла брата своего Святослава на безбрънная Влгары, а с ним посла пляхы своя... а Ва-

сильковы Константиновичю повеле Юрьи послати своя полки; он же из Рочтова полк посла, а другой со Устюга на връх (верхъ) Камы... Святослав же минув Исады, и ста на усть Камы, и ту прииде к нему Воислав Добрынич, и Ростоци, и Устюжане со множеством полона и с корыстию великою: те бо отпушени бяху прежь еще г низ идуще воевати по Каме, и взяста по ней много городов, а сел неколико, и пожгоша все, а люди изсекоша, а иных во плен поведоша“.

Как видим, Воскресенская летопись об указанном событии рассказывает подробнее и правдоподобнее и год в ней указывается другой, против Устюжской летописи. Впрочем в хронике Великого Устюга событие это поставлено под 1219 годом (Вол. Губ. Вед. 1840 г. № 26); значит и среди Устюжских летописцев можно встретить экземпляры с более достоверной датой времени в данном случае, нежели рассматриваемая редакция летописи.

Разобранный случай не единственный пример того, что одно и то же событие помещено Титовым в летописи Великоустюжской под двумя разными годами и при этом без соответствующего указания, что дело идет об одном и том же случае.

Под 1268 и 1286 годами записано одно и то же событие о разделе Ростовскими князьями Димитрием и Константином Борисовичами наследия своего, при чем Устюг с Ростовым достался Константину Борисовичу. Так как раздел этот совершился один раз, то, конечно, которыйнибудь из указанных годов неправильный. Воскресенская летопись событие это относит к 1286 г. По Соловьеву, раздел произошел в 1287 году, при чем Ростов достался Димитрию и лишь когда в 1294 году Димитрий помер Ростов перешел к Константину, затем в 1309 году помер и князь Константин Борисович. (Соловьев История России кн. первая стр. 883 и 913). Если не было раздела владения в 1268 году, то и отнесение Устюжской летописью к 1272 году посылки князьями Димитрием и Константином Борисовичами из Ростова на Устюг Великий архиеерея Тарасия ради освящения „церкви соборная“, должно быть признано неправильным. По Воскресенской летописи Тарасий поставлен в епископы Ростова в 1288 году, на Устюге же освящал он соборную церковь в 1290 году. Равным образом, если Константин Борисович помер в 1309 году, то конечно он не мог быть в Устюге в 1364 году,

как об этом напечатано у Титова, со ссылкой на Суворовский летописец.

Под 1553 и 1618 годами говорится об одном и том же, а именно, что когда англичане и голландцы начали производить торговлю с Россией, то некоторые из них живя в Устюге, селились на лугу, близ Иоанно-Предтечева монастыря; потому это место получило название Немчинова ручья. Конечно, первоначальное поселение англичан в г. Устюге было в какомнибудь одном определенном году и другой год здесь уже является лишним.

Под 1299 и 1398 годами помещено повествование об одном и том же событии — нападении Новгородцев на г. Устюг, пленении ими иконы Божией матери Одигитрии, сожжении новгородцами Устюжского Успенского собора, возвращении плененной иконы обратно в Устюг и о построении Новгородцами, вместо сожженного ими собора, — нового. Обо всех этих происшествиях повествуется под 1299 годом более пространно (на трех печатных четвертках слишком) и под 1398 годом вдвое короче (на полуторах печатных четвертках). Причиной нападения Новгородцев на Устюг, в обоих сказаниях, выступают „досады и обиды от великого князя Василия Дмитриевича Московского“. Так как Василий Дмитриевич княжил в 1389 — 1425 г.г., то помещение данного сказания под 1299 годом является прямо неуместным. Если и произошло в действительности что либо подобное рассказанному в летописи Великоустюжском, то датой для происшествия должно быть принимаемо второе число. Однако есть причины для сомнения и в том было ли на самом деле все что рассказывается в летописи Великоустюжской под указанными годами об окаянных богоборцах, крамольниках новгородцах. Дело в том, что „в 1490 году сгорела в Устюге деревянная соборная церковь, и устюжские попы били челом великому князю о построении новой; великий князь приказал справиться в книгах, кто ставил сгоревшую и нашел в последних, что ее поставил в 1397 году епископ Ростовский, к епархии которого принадлежал Устюг, приказал и новую также построить епископу... и прислал (владыка Ростовский Тихон) мастера да 60 человек работников и заложили круглу (церковь) по старине о 20 стенах“ (Голубинский Ист. Русск. Ц. I т. 2 под. 113 стр.) По Устюжской летописи архиерей Ростовский Тихон не 1490 г. а в 1489 г. послал в Устюг Великий мастера и 60 человек работников, которые сделали церковь соборную деревянную, круглую, о двенадцати стенах. Нет сомнения, что в 1490 году великому князю дана была справка из книг верная и мы ей конечно должны поверить, как в свое время поверил ей и Ростов-

ский епископ Тихон, пославший мастеров строить соборную церковь в Устюге. По справке же оказывается, что между 1397 и 1490 годом церковь соборная в Устюге никакому пожару не подвергалась, следовательно и новгородцы в 1398 г. „безбожного злодеяния“ не делали, соборного храма в Устюге не жгли, почему не было им нужды в нового храма вместо прежнего строить. Но как скоро одна половина сказания должна быть отвергнута, то подной ее неправдоподобности, то, по всей справедливости, может зародиться сомнение и относительно второй половины сказания, действительно ли при нападении на Устюг Новгородцев был случай пленения ими иконы В. М. и обратного возвращения ее Устюгу?

Исторической почвой для сочинения этого сказания могла послужить бывшая в свое время вражда между Москвой и Новгородом, походы войск Московского князя на Новгород и окончательное покорение Новгорода Москве. В Устюге в это время могло быть не мало сторонников Москвы враждебно настроенных по отношению к Новгороду; среди их, для большего посрамления новгородцев и составилось данное сказание, со всеми его подробностями.

При погодном летописном изложении событий вообще, в Устюжской летописи встречаются соединения под одним годом событий многих лет, без расчленения их по годам. Таковы, напр., помещенные здесь события из жизни замечательных людей, или же отдельных царствований. Так, под одним 1240 годом рассказана история о баскаке Багце, под 1303 г. о прав. Прокопье, под 1387 г. житие Стефана Пермского, под 1533 г. события из царствования Иоанна Грозного; под 1598 г. события из смутного времени; под 1606 г. царствование Василия Ивановича Шуйского, под 1645 г. царствование Алексея Михайловича и т. д. Под каждым из указанных годов рассказаны события не одного этого года, а многих лет.

Встречается и случай помещения под известным годом к этому году не относящегося. Под 1438 годом говорится о востройке на посаде, в Черном Придуке, большой осыпи и города деревянного с башнями, от Покровского монастыря, что ныне именуется Городище, и по за собору. „А воеводою в то время был в Устюге Великом князь Дмитрий Петрович Львов“. Далее в летописи приводится „Описание строения града Устюга, каково отыскано в Великоустюжском Провинциальном Магистрате“. В печатном летописце описание это занимает 3 страницы. Оно из слова в слово буквально сходно с тем, что напечатано на 3 и 4 страницах „Сотной книги“ 1630 года, помещенной в издании „Устюг Великий“. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. Москва 1883 г.“. Князь Дмитрий Петрович

Львов воеводою в Устюге был в 1632 году. Итак описание относится к 1630 году, а не к 1438 году и в летописи помещено, таким образом, совершенно не на месте. В самом конце описание в летописи Устюжской говорится: „А тая Городовая, по бодьшей осыпи, крепость, башни, ворота и стены во 128 (1620) году сгорели, и ныне уже такового строения по той осыпи нет; а град Устюг, как святых церквей, так и домовым посажденн. домов строением весьма ныне пространен“. В Сотной книге 1630 года это место читается так: „а ворота и башни и острог, что от Пречистенских ворот был до берегу до городовые до наугольные башни, сгорели в про-

шлом во 128 году“. Разница получается громадная. В 1620 году, оказывается, сгорели укрепления только по берегу реки Сухоны, от собора до городища, а не вся крепость по большой осыпи. Ко времени летописца, очевидно, уже вся крепость уничтожилась и слова летописи „ныне уже такового строения по той осыпи нет“ относятся к 1765 году, когда составлял летописец Лев Вологдин, а не к 1620 году, когда был пожар в г. Устюге.

В. Шляпин.

(Продолжение следует).

Библиографические замечания о летописи Велико-Устюжской.

(Продолжение).

Обычно в летописях хронология ведется от сотворения мира, так например: «В лето 6362. Начало Русей земли». (Воскресенская летопись). «В лето 6367», «в лето 6376» и т. д. Летопись Великоустюжская в данном случае отстывает от принятого порядка и ведет свой счет от Рождества Христова. «В лето от Рождества Христова 1192-е, во дни княжения в России благоверного князя»... и т. д.—Так начинается Летопись Великоустюжская и далее в ней идут «в лето 1240», «в лето 1268» и т. д. Лев Вологдин, при писании своей Летописи старинную хронологию событий, с которою несомненно ему приходилось иметь дело, переводил на новое летосчисление и при этом переводе допустил ошибки, во многих местах замечаемая

в его Летописи. Известно, что Русские, приняв христианство, считали началом года 1 Марта и такой счет продолжался у нас до времени несколько позднее кончины преп. Сергия Радонежского (ум. 1392 г.). Круглым числом принимают, что мартовский год считался у нас до 1425 года. Немного ранее 1425 года начали считать год с Сентября и это продолжалось до 1700 года, с которого времени, по повелению императора Петра 1, год считается с Января месяца. Полагая, что сотворение мира произошло за 5508 лет до Рождества Христова, думали, что в 1492 году от Р. Х. исполнилась седьмая тысяча существования мира и далее пошла восьмая тысяча. Счет этой последней тысячи и начали у нас с первого года; во

почему в старинных актах и рукописях встречаются напр. такая дата: в 128 году, в 96 году, 157 году и т. д. это годы восьмой тысячи, их нужно читать: 7128, 7096, 7157 и т. д. года. Так как год тогда начинался с сентября, то первый год восьмой тысячи четырьмя своими месяцами (сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь) относится к седьмой тысяче лет по нашему нынешнему летоисчислению и месяцами с января по август включительно к восьмой тысяче. Таким образом 7001 год с сентября по декабрь будет принадлежать 1492-му году и с января по август включительно к 1493 году. Отсюда правило переводить годы на наше счисление будет такое: к 1492 году приложить число лет восьмой тысячи (напр. если написано 7128, или просто 128, то к 1492 приложить 128) и затем месяцы с января по сентябрь будут принадлежать году, показываемому суммой этих двух чисел, а с сентября по декабрь включительно — к предыдущему году, или что то же, к году показываемому суммой без одного года. Таким образом 19 декабря 7129 года будет равняться 19 декабря 1620 года, а 19 июля 7129 года будет равняться 19 июля 1621 года. Этого правила перевода времени с одного летоисчисления на другое Введенным в его летоисчисление не соблюдено, почему у него и встречаются такого рода несообразности. По его Летописи 4-го Октября 1685 г. скончался Устюжский архиепископ Геласий, а преемник ему архиепископ Александр рукоположен во архиепископа в Устюг 8 февраля 1685 г., т. е. когда по Летописи Геласий еще был жив и занимал Устюжскую кафедру получается невозможность. При правильном же переводе летоисчисления, Геласий оказывается помер 4 октября 1684 г. и преемник ему действительно определен 8-го февраля 1685 года. Устюжская епархия началась 1682 года, Геласий произведен во архиепископа в марте того же года, в Устюг прибыл 11 октября 1682 года, (по Летописи опять так неправильно показано 1683 г.), «был на престоле 2 лета 6 месяцев 22 дня 5 часов и представился 1684 г. 4 октября. Преемник его, архиепископ Александр, рукоположенный 8-го февраля 1685 года, прибыл в Устюг по Летописи 28 сентября 1686 года — опять несообразность, ошибка на год, в место 1686 года нужно читать 1685 года, так как дело было в сентябре месяце. Такая же неправильность допущена Вологдиным и относительно архиепископа Иосифа. Рукоположенный 3-го марта 1700 года Иосиф, сказано в Летописи, прибыл в Устюг-Великий 1701 г. октября в 11 день в пятницу. Ошибка на год, прибыл он в Устюг в октябре того же 1700 года, и не

спустя лишний год; да и 11 октября в пятницу было в 1700 году, в 1701 же году 11 октября было в субботу.

Под 1699 г. сентября 13 в Летописи говорится о большом Воздвиженском пожаре, в котором сгорело много церквей и 692 двора. Опять неправильный перевод летоисчисления: пожар был не 1699, а 1698 года. Об этом пожаре писал боярину Оеодру Абрамовичу Устюжский архиепископ Александр и точно обозначил, что пожар был 207 года сентября на 14 число (Русск. Истог. Библ. изд. Археограф. Комис. Т. XII Спб. 1890 г. стр. 1417), т. е. 1638 года, при правильном переводе этого года.

Под 1517 годом в Летописи сообщается: «ноября с 24-го числа на Устюге Великом в реке Сухоне вода была очень велика, подобна весенней, и стояла две недели в одной мере.

Того ж лета, весной, то есть апреля 23 дня, столь необыкновенно велика в Сухоне вода была, что в Устюге льдом горд сгорло, берег срыло, дворов множество снесло и людей многих утопило». Здесь в Летописи ноябрь, таким образом, поставлен раньше апреля, говорится сначала об осеннем разливе воды, а потом о весеннем и все это под одним и тем же 1517 годом. Несообразность явная, но она сразу же теряется, если правильно переведем год, и будем читать при ноябре 1516 год, а далее при апреле 1517 год. В летописи Фриза и Суворовским летописце это осеннее наводнение и отмечено к 1516 году. Последовательность получается вполне нормальная. После необычного половодья, случившегося осенью 1516 года в Устюге весной 1517 года произошло громадное наводнение, произведшее в городе большие опустошения.

Представленные нами примеры, на наш взгляд, ясно доказывают, что при пользовании Устюжскою Летописью необходимо обращать внимание на ее хронологию, подвергая ее разумной критике и проверке.

Относительно вопроса о материалах, которые послужили Вологдину, при составлении им Летописи Велико-Устюжской, то нужно заметить, что этот вопрос требует особого и специального исследования. А. А. Тятин, в предисловии к изданному им летописцу, категорически заявляет, что «все древния сказания, какия только вошли в состав (Велико-Устюжской Летописи) основаны большею частию на Двинском, Новгородском в Вологодском летописцах, а также отчасти и на житиях преп. Прокопия Устюжскаго». Что касается до жития не препод., а прав. Прокопия, то в Устюжской Летописи о праведном Прокопии говорится крайне мало, именно о кончине его, построе-

нии церкви над гробом и часовни на месте кончины, об устройстве креста из белого камня и поставлении его в храме Михаило Арханг. м—ря. Все это рассказано в Летописи независимо от жития. Затем делается упоминание о туче во дни прав. Прокопия и тут же пишется: «кто о сем пространие ведати восхощет, тот да зрят в жития святого Прокопия», из самого же Жития выписок и здесь не делается, т. е. опять таки в данном случае повествование ведется независимо от Жития. Под несомненным однако влиянием помещенного в Житии повествования о чуде «святых праведных Устюжских чудотворцов Прокопия и Иоанна, како избавиша град Великий Устюг от нахождения польских и литонских людей», описано в Летописи под 1898 годом нашествие на г. Устюг и его окрестности в 1613 году польских и литовских банд; при этом в Летописи данный случай изложен в значительно сокращенном против Жития виде, на 5 страницах в Летописи и на 23 страницах в Житии.

По сличении Устюжского летописца с Вологодским напечатанным в Вологодских Епарх. Ведомостях 1873 г. в №№ 8—10, мы лично пришли к заключению, что между этими двумя летописцами нет никакой, даже и отдаленной связи.

Летопись Двинская напечатана А. А. Титовым в издании Н. А. Фокина, Москва 1889 г. Конечно Устюг в ней упоминается, но первое известие, в котором упоминается г. Устюг помещено под 1398 г. и следующее под 1417 г. Это время, конечно, очень далекое от древних сказаний о городе Устюге, какие сказания Титов в Летописи Устюжской ставит в зависимость от Летописи Двинской. Кроме того, если сравнить помещенное под этими годами в Устюжской и Двинской Летописях, то скорее всего придется прийти к заключению и полной самостоятельности одной летописи от другой.

Об Устюге и Устюжанах говорят и Воскресенская летопись, но судя по приведенным нами выше сопоставлениям известий по Устюжской и Воскресенской летописи говорить о зависимости первой от второй не приходится.

Сам Вологодия, определяя материал, на основании которого составлена ях Летопись, говорит о разных рукописных харатейных книгах, достоверных повествованиях живших в те лета и времена и постоянных самовидцах. Что самовидцами действительно составлялись местные записки о разных событиях (напр. наводнениях, пожарах, прибытии в Устюг выдающихся лиц и пр.) свидетельством служит точность определения времени случившегося происшествия, не только годом и месяцем, но еще числом, днем, а иногда и часом. Необходимо признать также,

что ранее составления Летописи, были сочинены и находились в обращении повествования о прежде бывшем. Например можно думать, что было в обращении особенное сказание о баскаке Багусе и жене его Марии, сказание о илещении Новгородцами иконы Б. М. и др. Попалась под руки летописцу выписка из сотной книги о близких укреплениях города Устюга он и ту включил в свой летописец. Помещенные в Летописке мелкие подробности, какими сопровождались некоторые кражеские нападения на город Устюг и его окрестности, дают право заключать, что нападения эти своевременно, в той или иной форме, описаны и как отдельные сказания среди Устюжан были в обращении и таким образом оказались в распоряжении летописца Свящ. Арс. Попов, в статье своей «исторические известия о крестных ходах». (Вол. Еп. Вед. 1867 г. № 6), делает ссылку на старинную рукопись об этих ходах. Вообще литература в форме сказаний, повествований, житий и т. д. была в Устюге и летописец ею пользовался. Вследствие такого материала, в яных случаях идущего от самовидцев рассказанных происшествий, помещенное в Устюжской Летописи нередко и подтверждается сохранившимися до ныне документами и источниками, современными описаниям событиям. Ясна отсюда важность Летописи Велико-Устюжской для изучающих историю местного края. Во многих случаях летопись является ныне единственным и исключительным источником по истории края.

На характере содержания Летописи Велико-Устюжской во многом отразилась личность самого сочинителя Летописи. Как лицо священного сана, Лев Вологодия особенно интересуется церковными событиями, почему одной из особенностей его летописца и является обилие известий в нем о церковных происшествиях и при том преимущественно стоявших в той или иной связи с Устюжским Успенским собором. Черу о. Вологодия принадлежит не одна Летопись. Им еще написано сочинение под заглавием «История или самого действия описание», в котором изложена церемония встречи Устюжанами в 1747 году князя с иконы Благовещения пресв. Богородицы, взятой из Устюга в Москву и помещенный здесь в Успенском соборе, в Кремле. В рукописном летописце XVIII в., написанном с редакцией помеченной 1765 годом, следовательно самой ранней, при повествовании об архиепископе Гаврииле и указанной князь с иконы Б. М., между прочим, пишется: «а по прибытии из Москвы тому святому образу в Устюге Великом, какая церемониальная была встреча, о том что особенно сочиненную книжицу, которая при сем

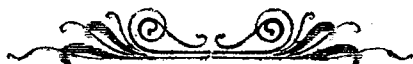
летописце присовокупляется». Ясно отсюда, что эта книжица написана Вологдяным ранее его летописца *). Получив таким образом некоторый навык в описании церемониальных встреч Вологдя и в Летописи своей описал такие встречи и проводы епископов Устюжских Феодосия (1761 и 1767 г. г.), Пахомия (1767 года), Иоанна (1767 года), в каких описаниях, судя по помещенным в них подробностям, видел в авторе «самовидец» и участник бывших церемоний. В печатном издании Летописи церемонии эти занимают 12 страниц и для некоторых переписчиков летописца они оказывались слишком великими, почему ими и опущены. Так, напр., в экземпляре летописца, помеченного 1780 годом, с которого Титов напечатал Летопись Велико-Устюжскую, этих описаний нет и Титов восполнил их из других экземпляров. В указанном нами выше рукописном экземпляре, имею-

щем дату 1765 года, эти описания есть. Кроме того, в этом же экземпляре помещены после 1765 года события по 1767 год несомненно Вологдинского сочинения, затем присоединена еще тетрадка, написанная тем же самым почерком, что и весь летописец, и заключающая в себе события с 1780 по 1786 год. На последней странице рукописи событие 1788 года записано уже совершенно другим почерком. Ясное дело, священник Вологдя, написавши летописец к 1765 году, в последующие годы пополнял его постепенно, почему на некоторых экземплярах летописца и встречаются даты составления его позднее 1765 года, как например экземпляр, с которого напечатана летописец Титовым, помечен 1780 годом.

В. ШЛЯПИН.

(Окончание следует).

Библиографические замечания о летописи Великоустюжской.

(О к о н ч а н и е).

После Вологодина, в 1793 году появился новый Устюжский летописец. Штаб-лекарь и Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук корреспондент Яков Фриз, живший сначала в Устюге, а потом переехавший в Вологду, составил „Руководство к историческому и физическому описанию областного города Устюга Великого, сочиненное 1793 года“. В состав этого руководства входят следующие главы: 1) о местоположении города Устюга, в которой указано географическое положение города и описаны физические условия занимаемой городом местности, между прочим, приведены результаты исследования воды девятнадцати городских колодцев; 2) о границах и межах градских; 3) о растениях и плодах земных; 4) о употреблении (Устюжанами) пищи; 5) о праздных и увеселительных днях устюжских обывателей и о времени оных, и 6) краткая хронологическая таблица событий г. Устюга с 1218

по 1791 год. Кроме того, Яков Фриз поместил в своем Руководстве имена бывших епископов Велико-Устюжской провинции и имена бывших наместников и воевод от 1436 до 1680 года, т. е. до Петра Великого и от Петра Великого, т. е. от 1680 до 1780 года. Руководство это известно под названием Устюжского летописца Якова Фриза или второй Устюжской летописи.

В первой половине XIX в. неизвестно каким автором написан „Список с летописца города Устюга Великого, составленный из летописцев прежнего Устюжского Успенского собора священником Львом Вологдиным и Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук корреспондентом штаб-лекарем Яковом Фризом, дополненного из сотной писцовой книги и разными другими записками с 1212 года по 1822 год“. Это будет третий сводный Устюжский летописец.

Протоиерей Арсений Попов, в статье своей

напечатанных в Вологодских Епарх. Ведомостях *), делает ссылки на летописец священника Велико-Устюжского Прокониевского собора Пятлина. В приведенных Арс. Поповым выдержках летописец Пятлина разнится, как с Вологодским, так и с Фризовским летописцами. Но число этих выдержек настолько незначительно, что по ним нет возможности судить, что именно представляет из себя Пятлинский летописец, есть ли это особая редакция летописи Великоустюжской и должен ли он поэтому быть назван четвертою Устюжскою летописью, или же, являясь простым списком с Вологодского летописца, но несколько в иной против других списков редакции некоторых событий, он должен носить название Пятлинской редакции Вологодской летописи.

Разного рода печатных изданий Устюжской Летописи до настоящего времени появлялось до десяти.

В первый раз Устюжская Летопись появилась в печати 1822 году, когда в журнале „Северный Архив“ опубликована была краткая хронологическая таблица событий г. Устюга Якова Фриза.

Затем в 1840 году в №№ 25—31 Вологодских Губернских Ведомостей помещена была Протопоповым „Хроника Великого Устюга“. Приличия этой хроники (№№ 27, 28 и 31) с другими печатными Устюжскими летописцами видим, что Протопоповым летописец напечатан с немалыми сокращениями, при чем сокращения сделаны им в таком направлении: не помещены им сообщения о губернаторских и архиерейских посещениях г. Устюга, прибытиях архиереев в Устюг и отбытиях их отсюда, а также о многих событиях, носящих на себе церковный характер. Закончена хроника 1820 годом.

В Военно-статистическом обозрении Российской Империи, т. 2, ч. 3, Вологодская губерния, 1850 г., в сведениях специальных, на стр. 23 — 30 помещена, основанная на Устюжской летописи, хроника военно-исторических событий с 1212 по 1619 год. при этом слог летописи подновлен и поправлен, произведена известная выборка событий, в изложении же их сделаны сокращения.

В Вологодских Губернских Ведомостях за 1857 год в №№ 13, 34, 36, 39 — 49 и 51 и 52, всего в шестнадцать номерах, помещена Адашевским „Летопись 700-летнего существования г. Великого Устюга“.

В Вологодских Епархиальных Ведомостях за 1873 г. в №№ 18—24 и за 1874 г. №№ 2—5 П. И. Суворовым напечатан Устюжский Летописец с третьей его сводной редакции, составленной из летописцев Вологодина и Фриза, при чем Суворовым

сделаны еще и свои добавления, хотя конечно и немногочисленные. Кроме того, летописец этот Суворовым выпущен был и отдельной брошюрой, а также в одной брошюре вместе с Вологодским летописцем.

Самая полная „Летопись Великоустюжская“ напечатана А. А. Титовым. издание А. К. Трезникова, Москва 1889 года. Она имеет стр. 169+XII+VIII. В основание издания положена рукопись сочинения Льва Вологодина, написанного им в 1780 году, а затем Титовым произведены дополнения из летописцев Суворова, Зонченко, Брагина и двух летописцев, принадлежавших лично самому Титову. В приложении к летописцу напечатаны (по списку Фриза) имена бывших Устюжских епископов, наместников и воевод, и (по списку Брагина) городских голов города Устюга, затем история написания и принесения в Устюг копии с иконы Благовещения Богородицы, стихи на прибытие в Устюг Нижегородского епископа Вениамина, и еще особая небольшая глава под наименованием „града Великого Устюга описание“. В начале издания помещено Титовым его обширное предисловие и очень подробное оглавление, заключающиеся в летописце событий. События летописца доведены до 1885 года, т. е. против Вологодского дополнены едва не на целое столетие. Источником откуда почерпнуты позднейшие события (с 1821 г.) в большинстве случаев, послужил Брагинский летописец.

На 38 — 40 страницах Вологодского иллустрированного календаря на 1894 год помещен Устюжский краткий летописец, обнимающий перечень событий с 1176 по 1799 год.

В 1899 году в Спб. напечатано, отдельной брошюрой, полностью „Руководство к историческому и физическому описанию областного города Устюга Великого, сочиненное 1793 года“ Яковом Фризом.

На основании Летописи 700 летнего существования г. Устюга Великого Ардашева и хроники Великого Устюга Протопопова, Н. К. Спановский составил перечень важнейших событий из истории г. Устюга, с начала основания города по Черном Прилуке и по 1780 год, каковой помещал в своем сборнике „Вологодская губерния“, Вологда 1890 г. на стр. 25—29.

В 1903 году в Москве А. А. Титовым напечатана „Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку XIII—XX в.в. Издание К. Н. Брагина“. Это книжка в 81+IX страниц, иллюстрированная видами города Устюга, Глденского монастыря, Успенского собора и церквей: Богоспасской, Вознесенской и бывшей Пятницкой. В предисловии, на стр. I — IX, помещены сведения самом Брагине и его воспоминаниях об устюжском летописце.

*) 1867 г. № 6; 1875 г. № 7, стр. 120.

нах и устюжской жизни. Летописец представляет из себя по древней истории города повторение Вологодинского, в сокращенном виде, со включением в него особенно начиная с 1726 г. очень многих сведений, почерпнутых из архива Городской Управы, во главе которой, как городской голова, Брагин состоял 9 лет. Летописец доведен до 1901 года. В приложении к Летописцу, начиная с 46 страницы его, помещены сведения о монастырях Устюжских: Михайло-Архангельском, Гледенском, Иоанно-Предтеченском девичьем, Успенском соборе и церквах: Николаевской Гостинской, Воскресенской, Пятницкой. Летописец снабжен алфавитным указателем. Так как в летописец этот более половины его содержания привнесено Брагиним из посторонних по отношению к Вологодинскому летописцу источников, то на него нужно смотреть не как на летописец Вологодина по Брагинскому списку, а как на новую редакцию

Устюжского летописца, именно как на летописец Брагина, подобно тому, как нам известны летописцы Вологодина и Фриза.

Почти все перечисленные издания представляют из себя в настоящее время крайнюю библиографическую редкость.

В виду ценности летописи, как исторического источника, и во многих случаях источника единственного, желательно было бы иметь новое, более полное и более совершенное, сравнительно со всеми имеющимися уже ныне, издание Устюжской летописи. При новом издании, желательно было бы собрать возможно большее число рукописных летописцев и из всех их включить в издание разночтения и дополнения: равным образом включить в новое издание дополнения и из всех печатных изданий Устюжской летописи.

В. П. Ш л я п и н.

